

А. Е. МАРГАРЯН

БРЮСОВ И РУССКИЕ ПОЭТЫ XVIII в.

Изучение творческих связей Брюсова с русской литературой до настоящего времени мало привлекало внимание исследователей. В этом отношении большой интерес представляет статья П. Н. Беркова «Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова», раскрывающая горьковское определение Брюсова как «самого культурного писателя на Руси».¹

Уже давно назрела необходимость перейти к углубленному и систематическому изучению проблемы — Брюсов и русская литература.

В одной из записей «Miscellanea» встречается следующее признание Брюсова: «Сейчас я чувствую себя сведущим, как никто, в вопросах русской метрики и метрики вообще. Прекрасно знаю историю русской поэзии, особенно XVIII век».² По поводу этого высказывания П. Н. Берков пишет: «... утверждая, что прекрасно знает историю русской поэзии, Брюсов прибавлял: „Особенно XVIII век“. А что известно нам обо всем этом круге интересов Брюсова?».³ Мы не можем назвать ни одной специальной работы Брюсова, посвященной русской поэзии XVIII в. В исследованиях Брюсова о Пушкине, в стиховедческих трудах, в статьях о русских поэтах XIX и XX вв. встречаются лишь отдельные суждения и замечания о поэтах XVIII в. Не все они равноценны, в большинстве случаев весьма лаконичны, количество их сравнительно невелико, однако рассмотренные во всей совокупности, они свидетельствуют о глубоком постижении Брюсовым поэтической культуры XVIII в.

Следы самых ранних увлечений Брюсова русской поэзией XVIII в. дошли до нас в виде отдельных заметок в ученических тетрадах и в форме дневниковых записей.

¹ П. Н. Берков. Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова. — Брюсовские чтения 1962 года, АрмГИЗ, Ереван, 1963, стр. 20—54.

² В. Брюсов, Избр. соч., т. 2, ГИХЛ, М., 1955, стр. 558.

³ Брюсовские чтения 1963 года. Изд. «Айастан», Ереван, 1964, стр. 48.

Одна из таких тетрадей представляет рукописный журнал, озаглавленный: «Начало за 1887 год. Отдел II. № 9—16».

Обращает на себя внимание и следующая заметка в журнале:

«Древние писатели Росс(ии).

«Сатира.

«(Третьяковский)

«Сумароков: Ходили ль вы на Парнас?

«Третьяковский: Ходил, но не видал там вас!».⁴

Брюсов, очевидно, уже в те годы имел общее представление о характере личных взаимоотношений Третьяковского и Сумарокова, и, возможно, на этом основании рассматривал Третьяковского в качестве автора данной эпиграммы. Эта эпиграмма, видимо, относится к «литературному фольклору» XVIII в. и могла дойти до Брюсова путем устной передачи.

Среди многочисленных материалов брюсовского архива, относящихся к юношескому периоду его творчества, сохранилось десять ученических сочинений поэта, два из которых посвящены литературе XVIII в. Одна из этих работ представляет анализ сатиры Кантемира «На зависть и гордость дворян злонаравных», другая написана на тему «Идеалы Державина». Впервые о них заговорил Н. К. Гудзий в статье «Юношеское творчество Брюсова».

Сочинение о Кантемире рассматривается Гудзием как свидетельство «усиленного интереса Брюсова еще в раннюю пору своего творчества к вопросам стиховедения».⁵ В дневнике поэта запечатлены отдельные моменты работы над этим сочинением.⁶ Здесь же встречаются записи о чтении произведений Сумарокова и Державина.⁷

Однако не только в детские и юношеские годы, но и в зрелый период творчества Брюсов проявлял живой интерес к различным явлениям русской поэзии XVIII в. Так, например, первым откликом на книгу В. А. Алексеева «Суворов — поэт» (1901) явилась содержательная рецензия Брюсова.⁸

В этой связи заслуживает внимания и другой пример обращения поэта к поэзии XVIII в. В 1916 г. на страницах журнала «Известия Московского литературно-художественного кружка» начали публиковаться материалы из личного собрания Брюсова. Поэт указывает, что ввиду отсутствия времени не имел возможности для «внимательной разработки собранного материала», поэтому не исключена возможность, что некоторые документы могли быть ранее уже опубликованы.⁹

⁴ ИРЛИ, Отд. рук., ф. 444, № 79, л. 15 об.

⁵ Литературное наследство, т. 27/28, М., 1937, стр. 236.

⁶ Валерий Брюсов. Дневники 1891—1910 гг. М., 1927, стр. 4—5.

⁷ Там же, стр. 28, 33.

⁸ «Русский архив», № 3, 1901 (на обложке).

⁹ «Известия Московского литературно-художественного кружка», вып. 13, март, 1916, стр. 37—38.

В качестве первых публикаций Брюсов помещает оду неизвестного автора под названием «Песнь похвальная на встречу ее императорского величества Елисаветы Петровны» (1741)¹⁰ и «Письмо Г. Р. Державина к кн. А. Н. Голицыну» (1808).¹¹

В комментарии к оде Брюсов делает интересное замечание: «Это характерные вирши середины нашего XVIII века, которые лучше всего показывают, какой огромный шаг вперед, в технике стиха, сделал Ломоносов, когда воспел взятие Хотина, 1739 года, в своей знаменитой оде».¹² Однако необходимо отметить, что «Песнь похвальная» была опубликована еще в 1799 г. Добрыниным.¹³ Сличение текста оды в этих двух публикациях свидетельствует о наличии в них целого ряда разночтений; кроме того, в публикации Брюсова ряд строф, которые вовсе отсутствуют в тексте 1799 г.

В архиве Брюсова сохранилось много интересных материалов — планов, проспектов, заметок, отражающих отдельные этапы его работы над «Историей русской лирики». Самое раннее упоминание об этом труде встречается в дневниковой записи поэта от 11 декабря 1896 г., а в записи от 15 августа 1898 г. под рубрикой «Заняться с осени книгами» намечена в числе других работ также «История русской лирики», т. I, вып. 1 (XVIII в.). В архиве сохранился план этого первого тома.

Ценные материалы к «Истории» приведены в обстоятельной статье Е. Н. Коншиной «Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве».¹⁴ Как указывает автор, планы 1897—1898 гг. свидетельствуют о расширении первоначального замысла книги в трехтомный труд, в котором центральное место должна была занять поэзия Пушкина, а первый том был отведен допушкинской лирике. Дальнейшая эволюция замысла приводит Брюсова к решению показать исторические предпосылки зарождения и развития русской поэзии XVIII в., ее национальные истоки, ее органическую связь с народным поэтическим творчеством. Вот почему примерно к 1899 г. Брюсов набрасывает новый проспект, в котором «Историю» предполагается начать с XVII в. В этом отношении очень симптоматично предисловие поэта к очерку «Москва XVII в.».

«Предлагаемая статья, — пишет Брюсов, — составляет вступление к задуманной мною Истории русской лирики. Первоначально моей мыслью было начать эту историю с того времени, откуда обычно начинается новый отдел истории русской словесности, —

¹⁰ Там же, стр. 39—41.

¹¹ Там же, стр. 42. Первую публикацию этого письма см.: «Журнал Рязанской губернской ученой архивной комиссии», т. I, 1885, стр. 9 (приложение).

¹² Там же, стр. 41.

¹³ Духовные и торжественные псалмы, собранные в пользу любителей оных московским купцом Яковом Добрыниным. М., 1799, стр. 4—5.

¹⁴ Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 25, М., 1962, стр. 80—142.

с Петра и Кантемира. Но более внимательное изучение нашей словесности XVIII века убедило меня, что как ни резок был поворот на новый путь, произведенный временем преобразований, он не мог порвать все связи с прошлым... Многие течения елизаветинского времени составили лишь продолжение того, что печаталось еще при Алексее Михайловиче. Самое стихосложение первых новых поэтов Кантемира и Тредиаковского всецело заимствовано ими у поэтов прошлого века. Я уже не говорю о том, что в народной поэзии разрыв с прошлым был гораздо менее заметен; песни о Петре, раскольничьи стихи, многие современные песни (особенно северного края) составили естественное продолжение поступательного движения *былинного стиха*.¹⁵ В октябре 1899 г. Брюсов записывает в дневник: «Погружен в XVII век». Н. С. Ашукин в примечании к этой записи замечает: «В связи с работой над историей русской лирики до Ломоносова, у Брюсова возник интерес к XVII веку, к его быту. Он усердно собирал материалы, совершал экскурсии по „старой Москве“, осматривая терема, древние храмы и т. д.»¹⁷

В личной библиотеке Брюсова сохранились книги русских писателей XVIII в., а на некоторых из них имеются пометы поэта. Автор сообщения «Библиотека Валерия Брюсова» В. Пуришева указывает, что «следы пристального изучения хранят книги Державина, Карамзина».¹⁸

Из всех русских поэтов XVIII в. Брюсову были особенно близки и дороги Ломоносов и Державин.

Влияние Ломоносова как зачинателя отечественной научной поэзии сыграло немаловажную роль в движении Брюсова на путях создания научной поэзии в России. Освоение традиций ломоносовской поэзии раскрывало широкие возможности перед Брюсовым в его неустанных поисках синтеза науки и искусства.

Специальное изучение наследия Ломоносова, как и Державина, было связано также с деятельностью Брюсова — теоретика стиха. Как известно, начиная с 90-х годов и до конца жизни он проявлял усиленный интерес к этой области литературной науки, еще в 1896 г. задумав написание «Учебника стихотворства (поэзия)».¹⁹

Брюсов прекрасно сознавал свои широкие возможности в области стиховедения и в одном из неопубликованных писем от 29 апреля 1911 г. к А. И. Малеину писал: «Ваше одобрение моим работам мне дорого чрезвычайно. Есть области, в которых я чувствую себя хозяином, напр<имер> мир русского стиха».²⁰ Сходное

¹⁵ Там же, стр. 119.

¹⁶ Валерий Брюсов. Дневники, стр. 77.

¹⁷ Там же, стр. 168; см. также сообщение Н. С. Ашукина: Из комментариев к стихам Валерия Брюсова. — Брюсовские чтения 1963 года, стр. 532.

¹⁸ Литературное наследство, т. 27/28, стр. 666.

¹⁹ Валерий Брюсов. Дневники, стр. 47.

²⁰ ИРЛИ, Отд. рук., ф. 444, № 38, л. 4.

признание есть в неопубликованном письме от 4 января 1911 г. к С. А. Венгерову: «Значительную часть имеющегося у меня материала отлагаю до статьи „Стихосложение“, которую хотел бы сделать маленькой монографией. Это будет единственный в русской литературе серьезный трактат о законах русского стиха».²¹

Особенно много и успешно работал Брюсов над научной разработкой проблем теории русского стиха в советские годы, что объясняется стремлением поэта содействовать развитию молодой советской поэзии на путях совершенствования мастерства, овладения новыми высотами поэтического искусства. «Что поэзия, — пишет Брюсов, — имеет свою техническую сторону, с этим вряд ли будет кто-нибудь спорить. Но многие склонны думать, что эта техника стиха или тоже прирожденный дар, как способность к творчеству, или, вне этого, — ограничена немногими, простейшими правилами, включенными в школьные курсы любой „теории словесности“ ... Рассуждение, напоминающее известные слова сочинителя од из сатиры И. Дмитриева „Чужой толк“:

Мы с рифмами на свет, он мыслил, рождены...
Природа делает певца, а не ученье.
Он, не учась, учен, как придет в восхищенье.²²

В статье «Ремесло поэта» Брюсов указывал на закономерность введения тонической системы в русское стихосложение и неприемлемость, с точки зрения всего строя русского языка, силлабики. Подобный же взгляд характерен для книги Брюсова «Краткий курс науки о стихе» (1919). В книге «Основы стиховедения» Брюсов уже прямо говорит о Ломоносове как основателе тонической системы русского стихосложения.²³ В том же году Брюсов выступил с полемической рецензией «О рифме», посвященной разбору книги В. М. Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (Пгр., 1923).²⁴ Высказав в ней замечания, относящиеся также к ритмике поэтов XVIII в. (Херасков, Державин), Брюсов завершает статью следующим знаменательным постскриптумом: «Р. С. Отмечаю, кстати, ценную ссылку В. Жирмунского на первое издание книги В. Тредьяковского „Способ к сложению российских стихов“. До сих пор все научные исследователи пользовались только вторым изданием (вернее — его перепечаткой), что вело к серьезным недоразумениям.²⁵ Между прочим, изучение этого первого из-

²¹ ИРЛИ, Архив Венгерова, ф. 377.

²² Валерий Брюсов. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. «Геликон», М., 1918, стр. 8—9 (Басню «Чужой толк» см.: И. И. Дмитриев, Сочинения, часть первая, М., 1814, стр. 53).

²³ Валерий Брюсов. Основы стиховедения. «Альциона», М., 1924, стр. 14.

²⁴ В. Брюсов, Избр. соч., т. 2, стр. 343—345.

²⁵ В. К. Тредьяковский. 1) Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735; 2) Способ к сложению российских стихов. СПб., 1752.

дания доказывает, — и пора это огласить, — что В. Тредьяковскому до сих пор ошибочно приписывают честь введения тонической системы в русскую поэзию: честь эта по праву принадлежит Ломоносову.²⁶

Таким образом, это важное положение о приоритете Ломоносова было высказано Брюсовым в те годы, когда в литературной науке отсутствовала даже постановка данной проблемы.

В стиховедческих трудах Брюсова большое место уделено державинской поэтике. Как в «Кратком курсе науки о стихе», так и в «Основах стиховедения» отдельные положения о метрике и ритмике русского стиха часто иллюстрируются примерами, взятыми из поэзии Державина. Всего приведено 32 примера из таких стихотворений Державина, как «Осень», «Ласточка», «Евгению. Жизнь званская», «Арфа», «На рождение в свете порфиородного отрока» и многих других. Встречаются здесь и цитаты из стихотворений Кантемира, Хемницера, И. Богдановича, но количество их очень невелико.

Мы имеем основание утверждать, что изучение поэзии Державина в какой-то степени способствовало развитию стихотворной техники Брюсова-поэта. Кроме того, правомерна также постановка вопроса о влиянии державинской поэзии на брюсовскую в более широком плане. Не имея возможности анализировать здесь конкретные формы проявления этого влияния, ограничимся приведением одного, на наш взгляд, весьма симптоматического факта обращения Брюсова к наследию Державина.

В сборнике «Семь цветов радуги» (1916) Брюсов в качестве эпитафии к третьему циклу стихов взял следующие строки из знаменитой оды Державина «Бог»:

Но что мной зрямая вселенна
И что перед Тобою я!

Не случайно также, что весь этот цикл назван: «Перед Тобою я».

Идейно-философская концепция державинской оды была близка основной направленности стихов как данного цикла, так и всего сборника «Семь цветов радуги». Более того: философские размышления о смысле человеческого бытия, о величии человека и его деяний, о всемогуществе его разума — весь комплекс этих проблем державинской оды в центре внимания Брюсова-поэта, начиная со сборника стихов «Tertia Vigilia» (1900). К сожалению, в двухтомном издании «Избранных сочинений» Брюсова этот эпитаф из оды Державина «Бог» отнесен к стихотворению «Гимн богам»,²⁷ а не ко всему циклу «Перед Тобою я», что является несомненно нарушением эдичионно-текстологического прин-

²⁶ В. Брюсов, Избр. соч., т. 2, стр. 355.

²⁷ Там же, т. 1, ГИХЛ, М., 1955, стр. 316.

ципа брюсовского сборника.²⁸ Гражданский пафос, героика, философичность, а также жанрово-стилистическое многообразие — все эти характерные особенности державинской лирики оказали самое благотворное воздействие на поэзию Брюсова.

В 1914 г. Брюсов совместно с И. М. Брюсовой опубликовал сборник «Французские лирики XVIII века».²⁹

Наивысшим достижением французской поэзии XVIII в. является, с точки зрения Брюсова, создание легкой, изящной любовной лирики: «Если Батюшков, юноша Пушкин, Баратынский и столько других русских поэтов умели найти очарование в этой поэзии, — его нельзя считать ложным: то было очарование подлинного искусства».³⁰ Противопоставляя одическую лирику Державина лирике «мимолетных чувств», «легких волнений» французских поэтов той же эпохи, Брюсов справедливо видит здесь явления совершенно различные.³¹ Французская лирика представлена в книге в переводах Пушкина, Жуковского, Карамзина, Батюшкова, Лермонтова, Баратынского, Фета и др. 19 переводов из Вольтера, Парни, Дюси и других принадлежат Брюсову.

²⁸ Впервые в нашем литературоведении специфические вопросы брюсовской текстологии подвергнуты всестороннему рассмотрению в статье П. Н. Беркова «Итоги, современное состояние и ближайшие задачи изучения жизни и творчества В. Я. Брюсова». — Брюсовские чтения 1963 года, стр. 26—35.

²⁹ Французские лирики XVIII века. Сборник переводов, составленный И. М. Брюсовой, под редакцией и с предисловием Валерия Брюсова. М., 1914, 344 стр.

³⁰ Там же, стр. XIV.

³¹ Там же, стр. XII.